

НАДЕЖДА СУВОРОВА

Тихие истории о любви и доме

Надежда Суворова

Тихие истории о любви и доме

<https://litres.ru/74004844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник тёплых, светлых рассказов о семье, памяти, прощении и маленьких чудесах, которые случаются не где-то далеко, а рядом: на кухне, у порога, за праздничным столом, в старой тетради, в словах бабушки, в запахе домашнего пирога.

Это истории о том, как люди находят друг друга заново, берегут то, что почти потеряно, и возвращают в дом тепло — иногда через кота, иногда через старый рецепт, иногда через одно забытое слово.

Эта книга — о любви, которая не кричит, а живёт в заботе, памяти и простых домашних вещах.

Содержание

Настоящий Дед Мороз	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Надежда Суворова

Тихие истории о любви и доме

Настоящий Дед Мороз

В магазине Варя остановилась у витрины так резко, что Лизе пришлось вернуться за ней от кассы.

На манекене висело детское платье — бледно-голубое, с серебряными снежинками по подолу. Подол был пышный, как на картинке, и блестел так, что даже в магазинном свете казался холодным.

Варя смотрела молча.

— Понравилось? — спросила Лиза.

Варя кивнула, не отрывая глаз.

Она не просила. Просто стояла и смотрела снизу вверх, сунув варежку в рукав куртки, как делала всегда, если чем-то очень увлекалась.

Лиза тоже посмотрела. Ровно столько, сколько нужно, чтобы понять: мимо. Потом взяла дочь за руку и сказала:

— Пойдем. А то хлеб весь разберут.

Варя пошла послушно, но у двери обернулась еще раз.

На улице было уже почти темно. Снег валил крупный, ле-

нивый, лип к шапке и ресницам. Во дворе у соседнего подъезда двое мужчин привязывали к перилам мишуру, и она тут же намокала и повисала. Над площадкой мигала гирлянда — сначала полоса красного, потом зеленого, потом опять красного. От сырого снега всё это казалось не праздничным, а немного жалким, и всё равно — хорошим.

Лиза шла быстро. Варя перебирала ногами рядом и время от времени проваливалась в рыхлый снег у края тротуара. Тогда Лиза тянула её на себя, и Варя смеялась.

Дома было тепло. Сухо, тесно, привычно. Комната встретила их сразу вся целиком: кровать у стены, стол под окном, комод, стул с брошенной кофтой, кастрюлька на плитке. Возле батареи сохли маленькие колготки.

Лиза помогла Варе снять куртку, размотала шарф, поставила чайник.

Варя, не разуваясь до конца, уже полезла в пакет с покупками. Вытащила батон, прижала к себе, потом пакет молока, потом пачку макарон и выставила всё на полу в ряд.

— Это магазин, — сказала Лиза.

— Магазин, — согласилась Варя.

Она вообще любила повторять последнее слово. Так ей было удобнее жить: будто, повторив, можно вещь удержать.

Лиза села на табурет у окна и на секунду закрыла глаза.

До Нового года оставалось два дня.

В детстве она не любила это время. Не сам праздник, а то, как он приближался. Становилось особенно видно, у кого он

есть, а у кого нет. У других в эти дни в доме как будто всё знало, что делать: тесто подходило, холодильник был полон, родители о чём-то переговаривались на кухне, в коридоре шуршали пакеты, на стуле лежало платье для утренника. У них всё было иначе. Надо было ждать маму со смены, смотреть в окно, не слишком надеяться, не спрашивать лишнего.

Потом мать приходила, ставила сумку на пол, снимала платок и говорила:

— Ну что, живые?

И уже по этому голосу было понятно, будет ёлка или в этом году опять обойдутся без неё.

Лиза открыла глаза.

Варя сидела на полу и запихивала в рукав батона деревянную ложку.

— Ты что делаешь?

— Спит, — шепотом сказала Варя и погладила батон по боку.

Лиза фыркнула и вдруг почувствовала, как отпускает. Не сильно. Но достаточно, чтобы встать.

Она подошла к комоду, выдвинула нижний ящик, где лежало всё подряд: пуговицы в банке, нитки, старые открытки, ленты, коробка из-под туфель, детский сломанный бубен, кусок картона, скрученный лист ватмана. На антресоли нашлась накидка — когда-то тёмно-красная, теперь уже выцветшая до неопределённого цвета. Ещё была вата в пакете, оставшаяся после осени, когда Варя болела и Лиза делала ей

компресс.

Она складывала это на стол и сама ещё не понимала, что именно получится.

— Мама, — сказала Варя снизу.

— Что?

— Ты чего?

Лиза посмотрела на неё и улыбнулась.

— Ничего. Будем делать Новый год.

Варя задумалась, потом важно кивнула.

— Будем.

Сначала они делали ёлку. Лиза расстелила ватман на полу, прижала углы кружками и нарисовала зелёным маркером треугольник с ветками. Получилось не очень похоже на ёлку, больше на ежа с характером, но Варя сразу сказала:

— О!

Потом вырезали шары, звезду, зайца, домик. Варя пыталась помогать. То подавала ножницы кольцами вперёд, как взрослая. То утаскивала карандаш. То с деловым видом клеила снежинку себе на колено и очень обижалась, когда она падала.

Клей пах резко. На столе стало липко. Лиза три раза вытирала руки о полотенце и два раза искала ножницы, которые всё это время были у неё за ухом.

Когда бумажную ёлку прикололи к стене, в комнате что-то сдвинулось. Не стало ни богаче, ни красивее — просто появилась точка, вокруг которой можно было собраться.

— Касиво, — сказала Варя.

Лиза посмотрела на ёлку. Один край у неё отставал от стены, верхняя ветка была коротковата, звезда вышла кривой.

— Угу, — сказала она. — Очень.

Под ёлку поставили коробку из-под туфель. Лиза обклеила её белой бумагой, а сверху написала: «ВАРЕ». Почерк поплыл на букве Р, и пришлось обвести заново.

Подарок она купила заранее, ещё неделю назад, когда получила деньги. Маленькая книжка с толстыми страницами и деревянный волчок. Ничего особенного, но то, что можно взять в руки и полюбить.

К вечеру Варя начала тереть глаза и капризничать. Лиза умыла её, накормила, долго укладывала. Варя никак не хотела отпускать её руку.

— Спи.

— Ты тут?

— Тут.

— Не уйдёшь?

— Куда я уйду.

Только когда дыхание у дочери стало ровным, Лиза тихо высвободила пальцы и села за стол.

Теперь был костюм.

Вот тут всё сразу пошло плохо.

Шапка получалась какой-то поварской. Борода выходила косая и ключьями. Вата липла к нитке, нитка путалась, иголка два раза падала на пол, и Лиза ползала на коленях с те-

лефоном, подсвечивая себе под кровать. Накидка не хотела лежать ровно. Когда Лиза примерила всё вместе, из зеркала на неё посмотрело нечто подозрительное: то ли очень уставший Дед Мороз, то ли тётка с утренника, которую вызвали в последний момент.

Она села обратно и засмеялась в ладонь, чтобы не разбудить Варю.

— Господи.

Смех быстро прошёл.

За окном, как назло, стало совсем хорошо. Снег перестал мокнуть и пошёл сухой, ровный. В доме напротив зажгли гирлянду — жёлтую, спокойную, не мигающую. Кто-то во дворе тащил ёлку, волоча за собой тёмный след по снегу. Откуда-то снизу потянуло жареным луком.

Лиза поддела ногтем комок клея на столе и вдруг очень ясно вспомнила мать.

Как та однажды, уже ночью, шила ей зайца из старой ва-режки. Заяц был страшный, одно ухо длиннее другого, глаз пришит почти на щёку. Но утром мать посадила его на подушку и сказала, будто так и надо:

— Он просто у тебя задумчивый.

Тогда Лиза еще не понимала, что у взрослых почти всё так и делается — не от умения, а от того, что деваться некуда.

Она взяла бороду, снова расправила её на коленях и прошила по краю более крупными стежками. Так стало даже лучше — видно, что руками, а не с фабрики.

Никакой большой силы у неё не было. Только Варя — и больше никому было сделать праздник.

Была ночь. Стол в клею. Спящая дочка. И шапка, которая получалась дурацкой, но другой всё равно не будет.

Она дошила бороду, привязала к шапке ватный край, стряхнула с коленей нитки и пошла спать под утро.

Тридцать первого декабря Варя проснулась рано и сразу увидела ёлку на стене.

Она села в кровати, моргая, потом ткнула в неё пальцем:
— Ой.

Лиза, ещё не совсем проснувшись, засмеялась.

— Да. Ой.

С утра они делали вид, что всё как обычно. Каша, умывание, стирка колготок, беготня по комнате. Но под этим “обычно” уже шевелилось что-то другое. Варя всё время поглядывала на коробку под ёлкой и не подходила к ней, как будто чувствовала: рано.

После обеда Лиза умыла дочь, надела на неё чистое платье, пригладила ладонью волосы. Варя крутилась и не давалась.

— Постой минуту.

— Не хочу минуту.

— А сколько хочешь?

— Две.

— Две не выдержу.

Варя хихикнула и всё-таки замерла.

— Закрой глаза, — сказала Лиза.

— Зачем?

— Сюрприз.

Варя закрыла. Не до конца, конечно. Оставила щёлочки, из которых всё равно было видно, что она подглядывает.

Лиза ушла за занавеску и стала одеваться.

Борода тут же зацепилась за пуговицу. Шапка съехала на ухо. Накидка перекрутилась. Дождик, который она для красоты приколола на плечо, отвалился и лег под ноги. Пока Лиза возилась, она дважды подумала: не надо. Снять это всё и не позориться. Просто подарить коробку, сказать, что Дед Мороз уже приходил, пока Варя спала.

Но почему-то не сняла.

Постучала костяшками по стене — глупо, тихо, совсем не похоже на дверь, — и вышла в комнату, стараясь идти медленно и басить:

— Здра...

На этом месте голос сорвался.

Варя уже смотрела на неё во все глаза.

Лиза увидела по её лицу сразу: узнала.

Ну конечно. По глазам. По походке. По тому, как шапка сидит набок. По тому, что никакой настоящий Дед Мороз не скажет “здра...”, запнувшись на полуслове.

Лизе стало жарко.

Глупо, по-детски, почти до слёз стыдно за этот свой маскарад, за ватную бороду, за шапку-повариху, за то, что она

вообще решила, будто можно взять и устроить чудо из коробки с пуговицами.

Но Варя вдруг заулыбалась так, как улыбаются только тем, кого очень ждали.

— Мама, — сказала она счастливо.

Лиза стояла посреди комнаты, не зная, что теперь делать. Снимать бороду? Смеяться? Говорить обычным голосом? Всё развалилось за секунду.

И тут Варя подошла совсем близко, потрогала бороду пальцем, аккуратно, как новую игрушку, и сказала:

— Ты настоящий Дед Мороз.

Лиза моргнула.

— Да?

— Да. Мой.

Вот после этого она уже не могла ничего ответить. Только села на корточки, потому что ноги вдруг стали какие-то пустые.

Варя обняла её сама. Борода смялась между ними. Шапка окончательно съехала. Накидка задралась у колен. От Вари пахло тёплой кожей, кашей и детским мылом.

— Я знала, что это ты, — сказала она куда-то в шею. — Всё равно настоящий.

Лиза прижала её к себе и закрыла глаза.

За стеной кто-то передвигал стулья. Сверху что-то уронили. Во дворе хлопнула петарда, и потом сразу закричали дети. Обычный вечер, ничего особенного. Но Лиза вдруг поня-

ла одну очень простую вещь, от которой у неё сдавило горло.

В детстве она всё ждала, что чудо выглядит как-то иначе. Что оно приходит красивое, готовое, без следов чужих рук. А оно, оказывается, может быть с косою бородой, с кривой шапкой, с клеем на столе, с нитками на полу. И этого хватает.

Потому что дело не в том, чтобы тебя не узнали.

Дело в том, чтобы прийти.

Она отстранилась, поправила Варя воротник и спросила, совсем уже своим голосом:

— Подарок открыть будем?

— Будем, — шепнула Варя, будто в церкви.

Они сели на пол под бумажной ёлкой. Коробка открылась не сразу: скотч приклеился намертво. Лиза ковыряла его ногтем, Варя пыхтела рядом и тоже помогала, хотя только мешала. Наконец крышка поддалась.

Сначала книжка.

— Книга, — сказала Варя уважительно.

Потом волчок.

Вот тут радость была настоящая, без всякой сдержанности. Варя ахнула, уронила книжку, схватила волчок, тут же потребовала запустить, потом ещё раз, потом сама, потом снова мама. Волчок падал на бок, укатывался под стул, срывался с пальцев, но всё-таки крутился — маленький, упрямый, как будто тоже решил, что праздник будет.

Через полчаса борода уже валялась на столе. Шапка висела на спинке стула. Накидка лежала у кровати. Варя крутила

волчок на подоконнике, и у неё почти получалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.